

УДК 94(100)«1922»:341.218.2(438:470:410)

Вопрос о признании польско-советской границы и позиция Великобритании в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г.

Е.Н. ДУБРОВКО

Статья посвящена выявлению обстоятельств постановки вопроса о международном признании польско-советской рижской границы в период подготовки конференции в Генуе 1922 г. и анализу позиции Великобритании по этому вопросу. Сделан вывод о том, что позиция Великобритании создавала предпосылки для решения этого вопроса, но разница внешнеполитических приоритетов Польши и Великобритании ставила под угрозу положительный для польской стороны характер этого решения.

Ключевые слова: польско-советская рижская граница, Великобритания, Генуэзская конференция 1922 г., международное признание, «Пакт об отказе от агрессии», Каннские условия.

The article is devoted to the circumstances of the Polish-Soviet Riga border international recognition in preparation for the conference in Genoa in 1922, and to the analysis of the position of Great Britain on this issue. It is concluded that the position of Great Britain had created the preconditions for the solution to that issue, but the difference in the foreign policy priorities of Poland and Great Britain put in jeopardy its solution in favour of Poland.

Keywords: Polish-Soviet Riga border, Great Britain, Genoa Conference of 1922, international recognition, "Pact of non-aggression", Cannes conditions.

После окончания Первой мировой войны новую систему международных отношений – Версальскую – оформили мирные договоры между Главными союзными и Объединившимися Державами, главные роли среди которых играли Великобритания, Франция и США, с Германией и её союзниками. Тексты этих договоров, прежде всего, Версальского договора с Германией и Сен-Жерменского договора с Австрией, оговаривали новые линии границ, возникшие в результате распада Германской империи и Австро-Венгерской монархии и появления национальных государств в Центральной и Восточной Европе. Однако полностью урегулировать проблему проведения новых границ создатели Версальской системы не могли. Значительной проблемой международных отношений стало установление границ в балтийско-черноморском межморье, которые должны были обозначить западные пределы Российского государства, находившегося в состоянии острого социально-политического кризиса. В этом регионе установление границ шло путём заключения двусторонних мирных договоров, одним из которых был Рижский мирный договор, заключённый 18 марта 1921 г. между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, и определивший линию польско-советской границы, проходившую по территориям современных Беларуси и Украины. Однако, если одна из сторон – советская – считала заключение Рижского мирного договора достаточным для установления границы и не требующим ничьих санкций [1, s. 90], то позиция польской стороны была совсем иной.

Подписывая Версальский мирный договор, Польша признала тот факт, что её границы, «не обозначенные настоящим Договором (в том числе и восточные. – *Авт.*), будут **установлены** впоследствии Главными союзными и Объединившимися Державами» (статья 87) [2, с. 41]. Однако, добившись подписания польско-советского мира в Риге в марте 1921 г., Польша начала активно ставить перед Союзными державами вопрос не об **установлении** её восточной границы, а о **признании** в качестве неё линии, зафиксированной в тексте Рижского мира. Формально это должно было сделать польско-советскую рижскую границу элементом Версальской системы международных отношений, обеспечить ей гарантию со стороны держав, подписавших оформившие её мирные договоры, и тем самым упрочить положение

Польши в системе послевоенных международных отношений. В противном случае польско-советская граница имела в глазах европейских государств статус границы «второго сорта». Яркое свидетельство тому – заявление министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша, сделанное в январе 1921 г., о том, что «заклучение мира в Риге будет нами встречено с радостью, но мы не должны забывать, что этот мир не будет подписан в Париже...» [3, с. 151]. С другой стороны, международное признание восточной границы должно было стать шагом по пути упорядочения внутривосточного и экономического положения Польши. Как отмечал в начале 1922 г. итальянский представитель в Варшаве Ф. Томмасини, «пока судьба этих земель (восточной границы Польши. – *Авт.*) не будет решена, нельзя надеяться использовать их эффективно: хозяйственные связи не налажены, дороги не налажены» [4, с. 146]. Поэтому Польша ещё в ходе рижских мирных переговоров пыталась поднять вопрос о международном признании и гарантии её восточной границы, в частности, перед английскими представителями [5, р. 626–629].

Обращение Польши именно к Великобритании было не случайным. Из числа Главных союзных Держав (после отхода США на изоляционистские позиции ключевая роль в решении международных проблем в Европе принадлежала Великобритании и Франции) именно она последовательно выступала против чрезмерного продвижения восточной границы Польши вглубь территории бывшей Российской империи. Твёрдая позиция английской делегации в решении вопроса об установлении польской восточной границы проявилась ещё в ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., оформившей итоги Первой мировой войны. Тогда польские территориальные претензии оказались в противоречии с интересами Великобритании, и восточная часть польских границ не была окончательно установлена [6, с. 7–16]. После заключения Рижского мирного договора, определившего линию польско-советской границы, Великобритания вплоть до конца 1921 г. также отказывалась от его официального признания и, соответственно, от признания рижской линии польской восточной границы [7, с. 128], [8, с. 94]. Таким образом, к концу 1921 г. перед польским министром иностранных дел Константином Скирмунтом стояла задача налаживания англо-польских отношений, необходимых для достижения международного признания польско-советской рижской границы. Благоприятная международная обстановка для решения этой задачи сложилась на рубеже 1921–1922 гг.

В 1921 г. в РСФСР обострилась проблема голода, получившая международный резонанс. В частности, с 6 по 8 октября 1921 г. заседала Брюссельская конференция с участием представителей Великобритании, Франции, Бельгии, Италии, Германии и ряда других стран, которая имела официальной целью обсуждение вопроса о помощи России в связи с голодом. Она в качестве условия предоставления кредитов для борьбы с голодом выдвинула требование о признании правительством РСФСР внешних долгов царского и Временного правительств. Это требование вызвало к жизни проект контрпретензий с советской стороны, политическая часть которых, изложенная в ноте от 28 октября, включала заключение «окончательного всеобщего мира» и признание правительства РСФСР другими державами. Для этой цели правительство РСФСР предлагало «скорейший созыв **международной конференции**, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам, и выработала бы между ними окончательный мирный договор» [9, с. 447].

Идея созыва международной конференции с участием Главных союзных Держав и Советской России была поддержана премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем. Собственно говоря, он активно отстаивал такую идею ещё в 1920 г., выдвигая проект Лондонской конференции, который так и не воплотился [10, с. 30–35.]. Теперь же в конце 1921 г., с учётом наличия уже подписанного торгового соглашения с правительством РСФСР (от 16 марта 1921 г.), одной из задач английского премьера было создание благоприятных условий для его реализации и для восстановления системы международных экономических отношений в целом. Советская сторона недвусмысленно заявляла, что таковые предполагают, прежде всего, «официальное признание Советского Правительства» [9, с. 580]. Значи-

тельным шагом по пути к нему могла стать международная конференция с участием РСФСР. В ходе Каннской встречи Союзных Держав, проходившей в январе 1922 г., Д. Ллойд Джорджу удалось убедить в необходимости её созыва французского премьера А. Бриана. В ходе этой встречи английский премьер сформулировал два принципа своего проекта так называемого «Пакта об отказе от агрессии» (дословно – Пакт о неагрессии (Non-Aggression Pact). – *Авт.*): отказ от пропаганды, подрывающей порядок и политические системы в других странах, и обязательство воздерживаться от агрессии против соседних стран [11, p. 321–332]. Они легли в основу Каннской резолюции от 6 января, предусматривавшей, что будет проведена конференция, на которую «всем государствам Европы, включая Германию, Россию, Австрию, Венгрию и Болгарию, следует предложить отправить своих представителей... Они (Союзные Державы) рассматривают такую конференцию как неотложный и существенный шаг вперёд в деле экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы». Была разработана и её предварительная повестка дня, включавшая помимо финансовых и экономических вопросов и такие, как изучение методов реализации принципов резолюции 6 января; установление европейского мира на прочной основе; выработка существенных условий для восстановления доверия без ущерба существующим договорам. Сразу же было отправлено приглашение на такую конференцию, которая должна пройти в Генуе, правительству РСФСР [12, p. 2, 4].

Ход и итоги Каннской встречи Союзных Держав привлекли пристальное внимание Польши, изыскивавшей возможности добиться международного признания и гарантии рижской границы. С одной стороны, в ходе неё Великобритания отвергла проект англо-французского гарантийного пакта, который предусматривал в качестве одного из возможных условий его вступления в силу ситуацию, когда Польша подвергнется нападению, а Франция придёт к ней на помощь [13, с. 2]. Как отмечал польский представитель в Лондоне, «нет шансов, что Англия примет такой проект», что объяснялось господствующим в английском обществе мнением о «польском империализме» [14, s. 51–63]. То есть гарантировать рижскую польско-советскую границу, по крайней мере, отдельно от иных держав, Великобритания однозначно отказывалась. С другой стороны, план проведения международной конференции в Генуе породил в Польше представления о возможности использовать это событие для обеспечения признания и гарантии своей восточной границы. Как отмечала варшавская газета «Вечерний курьер», выдержки из которой приведены в газете «Известия», добиваться умиротворения Европы нельзя было, «не приняв во внимание интересов Польши, которая должна получить гарантии безопасности своих границ на многие годы, иначе в Польше не будет той уверенности и того спокойствия, без которых невозможно её экономическое возрождение». При этом шагом к умиротворению должно было стать «признание Советской России», которое являлось бы одновременно и **признанием границ**, установленных Рижским договором. В этих обстоятельствах «Польша может только приветствовать грандиозные планы, **выработанные в Лондоне** и развиваемые в Канн» [15, с. 1]. Обнадёживали польское министерство иностранных дел и донесения его представителя в Лондоне Я. Цехановского. Он сообщал, что глава Северного департамента британского ведомства иностранных дел (Форин офис), курирующего политику в отношении Восточной Европы, Дж.Д. Грегори назвал Генуэзскую конференцию хорошим случаем для признания Рижского мира [14, s. 109–111]. Эта информация, казалось бы, иллюстрировала совпадение позиций Великобритании и Польши по вопросу признания границы, первой ступенью к положительному решению которого должна была стать реализация английского плана конференции в Генуе, фактически зафиксированного в Каннской резолюции. Однако уже на этой первой ступени с середины января 1922 г. начали возникать **проблемы**.

Французский премьер А. Бриан, обвинённый в излишней уступчивости Д. Ллойд Джорджу, был смещён со своего поста сразу после завершения Каннской встречи. Его сменил Р. Пуанкаре, занявший гораздо более жёсткую позицию в отношении английского плана и потребовавший, как минимум, отсрочки конференции на несколько месяцев [16, p. 36]. Во главе с Р. Пуанкаре Франция стала также настойчиво добиваться подписания до начала конференции двустороннего англо-французского гарантийного пакта с включением в него уже

упоминавшегося ранее пункта о Польше. Позиция Великобритании в этом вопросе осталась неизменной: никакой речи о гарантиях польских границ идти не могло. Более того, настойчивость Франции породила у главы Форин офис Дж.Н. Керзона идею о том, что от заключения этого пакта будет зависеть жизнь министерства Р. Пуанкаре, а также о возможности использовать переговоры по этому вопросу для оказания давления на Францию [17, р. 7]. Однако, как отметил английский исследователь Эндрю Уильямс, убеждать Р. Пуанкаре в необходимости подтвердить канские обещания его предшественника относительно международной конференции Д. Ллойд Джордж начал «в присущей ему манере», то есть «через голову Керзона» [16, р. 37].

Активную роль посредника в процессе преодоления франко-английских противоречий выполнил Эдвард Бенеш, министр иностранных дел Чехословакии, ярый сторонник укрепления международного положения Малой Антанты, включавшей также Румынию и Королевство сербов, хорватов, словенцев. Интересы блока центральноевропейских государств он сформулировал в ходе встреч 16, 17 и 20 февраля с английским премьер-министром в Лондоне. Э. Бенеш высказался за налаживание экономических и торговых связей в Европе, а в отношении России – за следование принципу взаимной экономической выгоды. Военно-политическую безопасность своего государства и всей Центральной Европы он связывал с ликвидацией противоречий между Великобританией и Францией и созданием системы гарантий, в которую будут включены Германия и Россия. «Если Франция окажется в изоляции, это будет для неё ужасно, это разделит Восточную Европу и будет реальная опасность со стороны Германии», а в случае войны страны Центральной Европы будут раздавлены [18, р. 9]. Подогрел опасения Э. Бенеша и английский премьер, не исключая более страшной ситуации, если «Россия, Германия и Великобритания выступят вместе» [18, р. 7]. Посредническая роль Чехословакии в ходе подготовки Генуэзской конференции оказалась плодотворна: к концу февраля по итогам встречи Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре в Булони между Великобританией и Францией было в основном достигнуто соглашение об организации и проведении международной конференции в Генуе.

Помощь, которую в преодолении видимых англо-французских разногласий оказал Э. Бенеш – лидер Малой Антанты – и рост его авторитета на международной арене однозначно были не на руку Польше, видевшей в Чехословакии своего соперника в вопросе лидерства в балтийско-черноморском межморье. Более того, Э. Бенеш подчёркивал нежелание «давать России дипломатическое признание» в Генуе [19, р. 4], что, очевидно, снимало вопрос и о признании польско-советской границы, интересующий польскую сторону. Однако не учитывать рост значения Малой Антанты в канун Генуэзской конференции Польша не могла, что подвигло её для упрочения своих собственных позиций к сближению с этим блоком. Основой для сближения должно было стать их общее стремление выступать на предстоящей конференции с позиций признания неприкосновенности всех мирных договоров. Соответствующее решение было принято на встрече в Бухаресте в конце февраля 1922 г. Поэтому в начале марта Польша предложила организовать в Варшаве совещание с представителями Малой Антанты для согласования общей линии на предстоящей конференции, но натолкнулась на отказ Э. Бенеша. Чехословакия навязала такую же позицию Румынии и Королевству СХС, указывая на непрочность международных позиций Польши, в частности, напряжённость её отношений с Великобританией и Советской Россией [3, с. 212, 216]. Таким образом, заручиться поддержкой своего стремления добиться международного признания польско-советской границы со стороны Малой Антанты к началу весны 1922 г. польскому министерству иностранных дел не удалось. Более того, в лице Э. Бенеша оно встретило однозначного противника своим планам. Хотя, взяв на себя роль посредника между Францией и Великобританией, чехословацкий министр согласился на принятие более благоприятной для Польши формулы Д. Ллойд Джорджа, гласившей, что «Союзные державы будут готовы признать Россию, только если Российское правительство примет определённые условия» [20, р. 8]. Кроме того, нельзя не признать, что посредническая деятельность Э. Бенеша, поспособствовав организации конференции, создала тем самым и возможность для постановки на ней вопроса о признании польско-советской границы.

Однако не только позиция Франции создавала препятствия на пути к проведению международной конференции в Генуе. Вторая проблема исходила непосредственно от Великобритании, где она воспринималась как «дитя Д. Ллойд Джорджа» [21, р. 81] и далеко не у всех политиков вызывала такой же энтузиазм. Как главе коалиционного правительства, английскому премьер-министру необходимо было заручиться поддержкой и консервативной, и либеральной его части. Ключевые усилия в этом направлении были им предприняты в конце марта. 27–28 марта прошли встречи министров и заседания Кабинета, посвящённые разработке инструкций для английской делегации на Генуэзской конференции. В сущности, большая часть обсуждения свелась к рассмотрению вопроса о возможности признания правительства РСФСР в ходе неё. Убеждая членов Кабинета, прежде всего его консервативную часть, в важности заключения «Пакта об отказе от агрессии» и необходимости не отказываться априори от возможности признания советского правительства, Д. Ллойд Джордж использовал два основных аргумента. Во-первых, для нормализации экономической жизни необходимым условием было восстановление торговли с Россией, невозможное без установления мира в Европе и получения иностранными «торговцами какого-либо статуса в судебных органах» стран, где они ведут свою деятельность. Мира на границах советского государства с Финляндией, Польшей, Румынией не было, а он, как и согласие всех сторон на «уважение границ», мог быть гарантирован Европейским пактом [22, р. 7–8]. В пользу последнего аргумента свидетельствовали и передаваемые в правительство сводки о событиях в зарубежных странах. Так, в начале марта поступило сообщение, что Л. Троцкий в воззвании к армии и флоту обратил внимание на отсутствие уверенности в безопасности советских границ в условиях откладывания срока проведения конференции в Генуе, призывая энергичнее вести подготовку войск [23, р. 8–9]. Вторым аргументом премьер-министра основывался также на сведениях, поступавших из России. Д. Ллойд Джордж заявлял, что «Ленин отходит от коммунистических принципов» и признание его правительства будет поддержкой умеренных сил в России [24, р. 5]. Делая такие заявления, английский премьер, как это видно из его более позднего выступления в парламенте (от 3 апреля), исходил из содержания некой «речи Ленина», произнесённой 1 ноября 1921 г. [25]. По-видимому, речь шла об одном из докладов В.И. Ленина, полных риторики об ошибочности предыдущей экономической политики и необходимости «встать на почву наличных капиталистических отношений», сделанных в конце октября 1921 г. [26, с. 193–213, 155–175.]. В процессе обсуждения аргументов главы Кабинета был затронут также вопрос, непосредственно интересовавший Польшу: вопрос о гарантиях территориальной целостности восточноевропейских государств со стороны Главных союзных держав. И премьер, и Кабинет однозначно признали, что «Пакт об отказе от агрессии» подобных гарантий не предполагает [22, р. 18–19]. В итоге 28 марта были утверждены инструкции британской делегации, не исключавшие возможности развития дипломатических отношений с Россией, но лишь в случае принятия последней «Каннских условий» и лишь при достижении консенсуса в этом вопросе с остальными государствами, представленными в Генуе [27, р. 2]. Таким образом, вопрос об участии английской делегации в международной конференции с сохранением потенциальной возможности признания РСФСР в правительстве Великобритании был решён положительно. Также 3 апреля Д. Ллойд Джордж добился одобрения «Каннских условий» в качестве базиса конференции в Генуе и поддержки попыток правительства по их реализации в парламенте, получив вотум доверия с численным перевесом в 295 голосов: за – 379; против – 84 [25].

Параллельно с разрешением проблем, возникавших на пути к проведению международной конференции в Генуе, и превращением её в реальную перспективу активизировалась и польская дипломатия, направленная на создание возможностей для достижения международного признания польско-советской рижской границы. Эта задача обсуждалась в комиссии польского сейма по иностранным делам 20 февраля, где прозвучали требования добиваться, чтобы «рижский договор был признан государствами, принимающими участие в конференции», и «прийти к соглашению по этому вопросу с правительством Советов». Вместе с тем, на заседании комиссии был поднят болезненный для Польши вопрос о статусе Восточной Галиции [28, с. 1]. Дело в том, что этот регион, включающий территории современных

Львовской, Ивано-Франковской и части Тернопольской областей Украины, с 1919 г. был оккупирован Польшей с санкции Главных союзных Держав, однако формально суверенитет Польши над этой территорией признан не был. Получение признания Восточной Галиции за Польшей было, соответственно, одним из составляющих вопроса о признании польско-советской рижской границы. В польском министерстве иностранных дел было известно, что в Форин офис в течение 1921 г. утвердилось мнение о необходимости оставить регион Восточной Галиции в составе Польши при условии предоставления ему автономии [29, р. 127–129, 138, 268–271, 280–281]. Однако позиция английского премьера была более сдержанной, и в Форин офис он считался противником такого варианта [29, р. 92–97]. Правда, определённое потепление наблюдалось и со стороны Д. Ллойд Джорджа. Так, в беседе с румынским премьером Таке Ионеску он заявил о готовности передать Восточную Галицию Польше «на определённых условиях» [7, с. 90–91]. Тем не менее, вплоть до середины февраля из Лондона продолжали поступать настораживающие данные о позиции Великобритании по этому вопросу на предстоящей конференции. В Форин офис польским представителям сообщали, что в Генуе лучше избегать постановки вопроса о Восточной Галиции как отдельного, так как это «опасно». Рижский мирный договор решил этот вопрос, и его признание будет равнозначно благоприятному для Польши решению восточногалицийского вопроса. Однако признавалось, что предложить поднятие этого вопроса может английский премьер, так как его планы Форин офис не известны [14, с. 117–136]. Учитывая влияние Д. Ллойд Джорджа на внешнюю политику Великобритании и очевидную ведущую роль последней на предстоящей конференции, в Польше явно возникали опасения, что вопрос о статусе Восточной Галиции может стать в ходе переговоров с РСФСР разменной монетой в руках английской делегации. Это подвигло депутатов комиссии польского сейма по иностранным делам выступать против постановки данного вопроса на конференции, а в противном случае и при решении его в форме, противоречащей польским интересам, добиваться от Франции, Чехословакии, Румынии и прибалтийских государств согласия на срыв конференции [30, с. 1]. Именно в этих направлениях попыталось действовать польское министерство иностранных дел.

Как уже отмечалось ранее, заручиться поддержкой своей позиции со стороны стран Малой Антанты к началу весны 1922 г. польскому министерству иностранных дел не удалось. Вплоть до начала конференции в Генуе лидер этого блока Э. Бенеш заявлял о готовности поддерживать лишь экономические отношения с советской стороной без её политического признания [31, с. 1]. Более плодотворным оказался прибалтийский вектор деятельности польских дипломатов. 29–30 марта прошло совещание в Риге с участием представителей Польши, Эстонии, Латвии и РСФСР. На нём соответствующие государства признали, что они готовы строго выполнять все обязательства, взятые на себя по двусторонним договорам, в том числе по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., и выразили мнение, что «юридическое признание Российского Советского Правительства отвечало бы делу экономического восстановления Восточной Европы» [32, с. 173–175]. Однако этот «успех» имел неоднозначные международные последствия для Польши. В Великобритании текст Рижского протокола произвёл благоприятное впечатление, прежде всего, на премьера, начавшего пристальнее рассматривать Польшу как возможного союзника в Генуе в английском подходе к переговорам с РСФСР [33, с. 34–42]. Появление этого протокола соответствовало установке английского кабинета на то, что «принятие договоров между Польшей и Балтийскими странами, с одной стороны, и Россией – с другой, поспособствовало бы миру и восстановлению Европы [29, р. 450–451]. Во Франции же, однозначно настроенной против юридического признания РСФСР, участие Польши в подписании Рижского протокола вызвало недовольство союзницей и всплеск подозрений её в ведении двойной игры [34, с. 1]. В итоге действия польского представителя на Рижском совещании В. Йодко-Наркевича были дезавуированы [35, с. 47.], что оставило Польшу в «подвешенном состоянии» в деле поиска действенных союзников для отстаивания своих интересов в Генуе.

Последней попыткой Польши зарезервировать возможность благоприятного для себя решения вопроса о признании её рижской границы в Генуе стало посещение польским министром иностранных дел К. Скирмунтом столиц Главных союзных Держав – Парижа и Лон-

дона – в начале апреля 1922 г. В ходе пребывания в Лондоне польский министр попытался произвести максимально благоприятное впечатление как на Д. Ллойд Джорджа, так и на английскую общественность в целом, заявляя, что Польша не намерена участвовать в каком-либо новом нападении на Советскую Россию и не будет ставить препятствий общему признанию России, так как «таким признанием будет автоматически подтверждён рижский договор» [36, с. 4]. Судя по отчёту о визите К. Скирмунта, представленному в Варшаву польским представительством в Лондоне, он поспособствовал удачному для Польши изменению позиции Великобритании, особенно английского премьера, «ищущего союзника в Генуе» [33, с. 36–38]. Благоприятным для реализации польских задач на предстоящей конференции было также содержание текста меморандума Форин офис по проблеме договоров с Россией, представленного в английское правительство в то же время. В нём указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вполне вписывается признание Рижского мирного договора 1921 г. Оно позволяло реализовать право союзников на определение восточных границ Польши и сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, так как предполагало передачу её Польше [37, р. 288–296]. Тем не менее, в ходе встречи с польским министром английский премьер проявил значительную сдержанность, не отрицая возможности дебатов по вопросу границ Польши в ходе конференции [38, с. 168–169].

Таким образом, к середине весны 1922 г. в ходе подготовки к конференции в Генуе преимущественно стараниями польских дипломатов на международном уровне был обозначен вопрос о признании, прежде всего, Главными союзными Державами польско-советской границы, описанной в тексте Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. На положительное для Польши решение этого вопроса позволяла надеяться позиция Великобритании, в частности, фактическая готовность ее премьер-министра к рассмотрению вопроса о юридическом признании советского правительства России, которое должно было повлечь и признание польско-советской рижской границы. Вместе с тем, учитывая разницу во внешнеполитических приоритетах: для Польши – признание её границ, для Великобритании – поиск путей для стабилизации ситуации в Восточной Европе как фундамента для развития международных экономических связей с включением в них РСФСР, эти страны не могли выступить союзницами в вопросе признания рижской границы. Со стороны Польши сохранялись опасения, что линия польско-советской границы может стать одним из предметов торга между английской и советской сторонами в ходе поиска путей для достижения компромисса на конференции в Генуе.

Литература

1. Kumaniecki, J. Uznanie wschodniej granicy Polski przez Radk ambasadoryw / J. Kumaniecki // Kwartalnik historyczny. – 1969. – № 1. – S. 73–92.
2. Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокол, подписанные 28 июня 1919 г. // Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / редкол.: Ю.В. Ключников [и др.]. – М. : Издательство Литиздата НКВД, 1925. – С. 3–176.
3. Язькова, А.А. Малая Антанта в европейской политике 1918–1925 гг. / А.А. Язькова. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – 330 с.
4. Tommasini, Fr. Odrodzenie Polski / Fr. Tommasini. – Warszawa : Nakładem księgarni F. Hoesicka, 1928. – 364 s.
5. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others] (DBFP). – Vol. 11. – London : Her Majesty's stationery office, 1961. – 789 p.
6. Дубровко, Е.Н. Польские территориальные претензии в Восточной Европе и политика Великобритании (конец 1918–1919 гг.) / Е.Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – № 4(49). – 2008. – С. 7–16.
7. Archiwum akt nowych (AAN). – Zeszyty 463. – Sygn. 58.

8. AAN. – Zespoi 503. – Sygn. 584.

9. Документы внешней политики : в 24 т. / Ком. по изданию дипломатических документов при МИД СССР. – М., 1957–2000. (ДВП) – Т. 4: 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / Л.С. Гапоненко [и др.]. – М. : Гос. изд. полит. литературы, 1960. – 836 с.

10. Дубровко, Е.Н. Британские посреднические инициативы в ходе польско-советской войны (июль 1920 г.) / Е.Н. Дубровко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 8(13). – Ч. 1. – С. 30–35.

11. Saxon Mills, J. The Genoa Conference / J. Saxon Mills. – London : Hutchinson & Co, 1922. – 436 p.

12. Resolutions adopted by the Supreme Council at Cannes, January, 1922, as the Basis of the Genoa Conference / His Majesty's stationary office. – London, 1922. – 7 p.

13. За границей. Антанта. К договору о гарантиях // Известия. – 12 января 1922 г. – № 8(1447). – С. 2.

14. AAN. – Zespoi 463. – Sygn. 59.

15. К признанию Советской России. Интересы Польши // Известия. – 15 января 1922 г. – № 11(1450). – С. 1.

16. Williams, Andrew. The Genoa conference of 1922: Lloyd George and the politics of recognition // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922 / edited by Carole Fink, Axel Frohn, Jürgen Heideking. – Cambridge university Press, 1991. – P. 29–48.

17. The anglo-french agreement. Memorandum by the secretary of state for foreign affairs. February 17, 1922 // The National Archives (The NA) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2012.

18. Memorandum of a conversation, held in the Prime Minister's room, House of commons, on Friday, February 17, 1922, at 11 a. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2012.

19. Memorandum of a conversation at 10, Downing street, London, S.W. on Thursday, Feb. 16th, 1922 at 12 noon // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2012.

20. Memorandum of a meeting held at 10, Downing str., London, S.W. on Monday, February 20th, 1922 at 7-30 p. m. // The Cabinet Papers 1915–1982 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 17.01.2013.

21. Sylvester, A. The real Lloyd George / A. Sylvester. – London – Toronto – Melbourne – Sydney : Casselland Company LTD, 1947. – 322 p.

22. Conclusions of a Conference of Ministers held in the Lord Privy Seal's Room, House of Commons, on Monday, 27, March 1922, at 6-50 p. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2012.

23. Foreign countries report № 64, 8th March 1922 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.10.2011.

24. Conclusions of a Conference of Ministers held, at 10, Downing street, on Tuesday, March 28th., at 11 a. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2011.

25. Vote of confidence. House of Commons debates 03 April 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/apr/03/vote-of-confidence>. – Date of access : 10.02.2013.

26. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967–1975. – Т. 44: июнь 1921 – март 1922 гг. – 1970. – 725 с.

27. Conclusions of a Meeting of the Cabinet, held at 10, Downing Street, S.W., on Tuesday, 28th, March 1922 at 12 noon // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>. – Date of access : 21.09.2011.

28. К общей мирной конференции. Польша готовится // Известия. – 22 февраля 1922 г. – № 42(1431). – С. 1.

29. DBFP. – Vol. 23. – London : Her Majesty's stationary office, 1981. – 1026 p.
30. К общей мирной конференции. Польша готовится // Известия. – 22 февраля 1922 г. – № 42(1431). – С. 1.
31. К общей конференции. Позиция Чехословакии // Известия. – 4 апреля 1922 г. – № 76(1515). – С. 1.
32. ДВП. – Т. 5: 7 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / А.Е. Богомолов [и др.]. – М. : Гос. изд. полит. литературы, 1961. – 808 с.
33. ААН. – Zespró 463. – Sygn. 60.
34. К общей мирной конференции. Недовольство Франции Польшей // Известия. – 7 апреля 1922 г. – № 79(1518). – С. 1.
35. Почс, К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929) / К.Я. Почс. – Рига : Знание, 1985. – 176 с.
36. За границей. Польша. Заявление Скирмунта // Известия. – 9 апреля 1922 г. – № 80(1519). – С. 4.
37. DBFP. – Vol. 19. – London : Her Majesty's stationary office, 1974. – 1060 p.
38. Nowak-Kieibikowa, M. Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata / M. Nowak-Kieibikowa. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 1998. – 368 s .